Наступил день открытия памятника погибшим воинам. Село бурлило. И как не бурлить, коль школьный учитель Стриков Виктор Петрович стал скульптором. Это по его про-

екту местные мастера воздвигли монумент, а он на лицевой стороне вылепил с каской в руке воина, опёршегося на колено и целующего знамя. По сторонам золотыми буквами написал: «Никто не забыт – ничто не забыто!» и «Вечная память во-

инам, погибшим на полях сражений!»

весив пиджак на спинку стула, смахнул щёткой пыль и начал бережно поправлять ордена. И не заметил, как в дом вошёл Колька Привалов, любитель работать языком и не прочь по случаю отметить любое «знаменательное» событие.

– Шёл я, дядь Вань, мимо и решил заглянуть на огонёк, –

Готовился к открытию памятника и Иван Мишустин. По-

- попытался обратить он внимание. – А, это ты? – приподняв голову, обернулся Иван. – Проходи, садись.
  - Колька, пододвинув к столу табуретку, сел. - Где это ты столько орденов набрал? - не зная с чего на-
- чать разговор, уставился Колька на пиджак. - В разведке служил. С сорок первого по сорок пятый.
- «Языков» брал. Довелось и генерала в плен взять.
- -Генерала, говоришь, брал? с притворным любопытством спросил он.
- Было дело, сказал Иван и, отложив щётку в сторону, сел на стул, с трудом переставляя ногу.
  - Болит? сострадательно спросил Колька.
  - Всю ночь мучила. Осколок двинулся. Только под утро

вышел

Обмыл и в стакан положил. Вон на окне стоит.
В спирту его надо держать, чтобы не ржавел.
Было бы что...
Зря ты так дяль Вань Мололёжь нало на примерах вос-

- Хорошо хоть не вовнутрь, - сказал как-то украдкой и

- Зря ты так, дядь Вань. Молодёжь надо на примерах воспитывать. Твоему осколку в музее место.
  - Скажешь тоже...

вдруг спросил, – ты его хоть обмыл?

- А видел ли ты хоть в одном музее осколок из живого тела?
   А?! Не потому ли про войну забывать стали? Да и ордена
- ты свои не носишь. Скажи, за что, например, вот этот орден получил? ткнул он в орден Красной Звезды.
  - За штаны генеральские. Бриджами называются.
  - Да ну?! подозрительно прищурился Колька.
  - Верь, не верь, как бы угадывая его мысли, вздохнул
- Иван, а я в тыл врага за ними ходил.
   «Языка» надо было брать, а бриджи потом появились, –
- не обращая внимания на ехидство, продолжил Иван. Мы в то время к Днепру вышли. Надо форсировать, а что за ним неизвестно. Я командиром разведки был. За «языком» постоянно ходил. Вот и в этот раз послали. Хорошо, ночь
- реку вода ледяная. Остаётся по мосту. Подорвать-то его подорвали, а утопить не смогли. Лежит вроде как на плаву. Немцы по нему для острастки «поливают», и наши не от-

цыганская выдалась. Осень. Снег уже пролетал. Вплавь через

- стают. Мы по-пластунски с трудом переползли.

   Вот, поди, натерпелись? не скрывая удивления, качнул Колька головой.
- Было дело, как в первые дни войны. Скинут, бывало, немцы с самолёта пустую бочку – та летит, свистит, аж жуть берёт. Готов с головой в землю зарыться. А в этот раз пули

шальные рикошетом от металла и с таким свистом, что ка-

своей пули погибнуть. - Так как ты разберёшь пулю, если погибнешь? Мёртвомуто все равно. – Это тебе всё равно, а нам, фронтовикам не всё равно.

жется – через живот навылет. Но не то страшно. Страшно от

Придёт «похоронка», написано: «Погиб смертью храбрых». А какой смертью храбрых, коль тебя свои убили? Кому такое

хочется? – начал выходить из себя Иван. – Ладно горячиться, – видя, что задел за живое, начал успо-

каивать его Колька. – Откуда мне знать, если я не воевал? Ты лучше сядь, ногу побереги. Иван опустился на стул. Немного помолчав, спокойно

продолжил:

- Так вот, смотрим тень в туалет мелькнула. - Неужели немцы и туалеты за собой возили?
- Они ёлки рубили и пирамидой ставили. Выждали мы,
- а вместо бридж на нём подштанники. Полковник через переводчика: «Где бриджи?» А он: «В туалете». Нас обратно за мост. Предупредили: если вернёмся пустые, то под трибунал.

когда он там... И раз – кляп в рот, руки за спину, и волоком через мост. Когда в блиндаж затащили, смотрим: генерал,

- Неужто за штаны? вскинул Колька брови. А впрочем, что за генерал без полной амуниции? А тут, вероятно, везти его надо к самому Сталину? «Язык» слишком уж важный.
- He «язык», а документы важные могли в карманах оказаться! Так вот, мы обратно по мосту ползём, а я молюсь.
  - Так Бога-то нет.
- Вроде, как и нет, а молиться хочется. Вот так до конца войны с молитвой и дошёл. И в этот раз молился: и за себя, и

за ребят. Они же верят мне, как командиру. А через эту веру, смотришь, моя молитва до них дойдёт. Пусть не слышат они,

Конечно, за генерала.
Так когда за бриджами ползли, мы страху больше натерпелись. Вот и думай теперь: за что?
А впрочем, дядь Вань, генерала без штанов не бывает, уважительно похлопал его по плечу Колька. – А что же ты раньше наград своих на люди не показывал?
Каждая награда – это не только подвиг, но и потерянные

жизни, – влагой блеснули у Ивана глаза. – Смотришь на них,

– Видать, оттого ты и на мероприятия не ходишь?

генерала или бриджи?

и погибшие друзья перед глазами...

Из-за «галочек» не хочу.

а она всё равно дойдёт. И, видать, дошла, коль не успели немцы хватиться генерала, и пуля ни в кого не попала. И бриджи на месте. За сучок зацепились. Сняли мы их — и обратно. Принесли. Полковник в карманы — а там бумага для туалета. Но орденами нас наградили. По сей день думаю, за что — за

А как же открытие памятника?
 Памятник – это память, а не «галочка». Поэтому и достал ордена, чтобы вспомнить тех, кто погиб, да помянуть их.

Тогда давай, дядь Вань, помянем, а то мне дальше бежать надо.Не могу, Николай. – Да брось ты...

Приду на открытие памятника, а погибшие друзья посмотрят и скажут: «Что же ты, Иван, пьяный пришёл?»

— Так они же мёртвые, — язвительно заметил Колька.

Пусть их не видно, но пока память жива – живы и они! А вам только бы рюмку! «Иваны» – родства не помнящие! Да

вас враг после этого голыми руками!.. И нечего тут брызгать! Вставай! Мне пора... – решительно сказал Иван и, накинув пиджак на плечи, твёрдым шагом направился на выход.